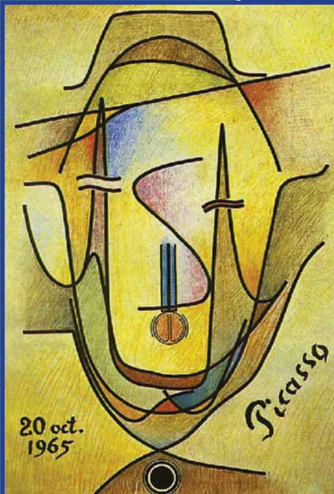

Е.Д. Яхнин

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОГО

у которого с детства
и по сей день я учился
и продолжаю учиться жизни

Москва 2018

Евгений Давыдович Яхнин
Штрихи к портрету
современника, у которого с
детства и по сей день я учился
и продолжаю учиться жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41511851

*Штрихи к портрету современника, у которого с детства и по сей день
я учился и продолжаю учиться жизни:
ISBN 978-5-89826-558-8*

Аннотация

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся жизнью России в прошлом веке. Они познакомятся с учеными, военными, художниками, врачами, учителями, историками и другими современниками автора. Люди, с которыми его сводила судьба, со всеми их откровениями и заблуждениями, взлётами и падениями, определяли целую эпоху противоречий в жизни России. Читатель получит возможность сопоставить наше прошлое с нашим настоящим и ожиданиями будущего.

Содержание

Предисловие	5
От автора	8
Любовь Ивановна Сулакова	14
Николай Николаевич Семенов	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Е. Д. Яхнин

Штрихи к портрету

современника, у

которого с детства и

по сей день я учился и

продолжаю учиться жизни

© Е.Д. Яхнин, 2018

© Прогресс-Традиция, 2018

* * *

Предисловие

В предлагаемой книге Е.Д. Яхнин вспоминает своих современников самых разных профессий: учёных, военных, школьных учителей, художников, историков. Он жил среди них и работал с ними. Начал взрослую жизнь с войны рядовым в армии, закончил военную академию, стал кадровым офицером. После демобилизации, в 36 лет, работал в Институте физической химии (ныне Институт физической химии и электрохимии имени А.Н. Фрумкина). Здесь он встретился с выдающимися советскими учеными химиками, учился, сотрудничал с ними, со многими был знаком домами. Стал полноправным членом ученого сообщества, многое сделал для совершенствования технологии производства различных материалов. Военный, ученый, писатель, прошел богатую событиями жизнь.

Поэтому его воспоминания интересны и по-своему уникальны. В них рассказывается о людях обычных и выдающихся, с их особенностями и отношением к жизни. Рассказывается о целом поколении, о событиях, определивших жизнь России в XX веке; он был их участником и очевидцем.

На первый взгляд объединение в едином повествовании людей столь разных по сфере деятельности (ученые и военные, художники и школьные учителя) искусственно. Однако здесь нет ни случайности, ни искусственности: им всем были

приуси обычные человеческие проявления.

Безграничная юношеская преданность стране и вера в её светлое будущее, прозрение и разочарование в коммунистической идее, преданность научной истине, заблуждения и карьеризм, высочайшая нравственность и конформизм до подлости – всё было, независимо от профессии.

Способность автора подмечать в людях и событиях, свидетелем которых он оказывался, острые психологические конфликты и особенности их участников – неожиданную реакцию, проявленную твердость или слабость характера, находчивость, принципиальность – сделала его воспоминания не только содержательными и честными, но и интересными.

Е.Д. Яхнин много общался с Александром Наумовичем Фрумкиным в семейной обстановке, и его рассказ многое добавляет в наши представления об этом замечательном ученом и человеке.

В коротких заметках об академиках Б.В. Дерягине (история новой «тяжелой» воды) и И.Л. Кнунянце (автоколебательные реакции и спор с Б.П. Белоусовым) возникают яркие портреты ученых с их темпераментом, борьбой за истину и заблуждениями.

История выступления Николая Николаевича Семенова на банкете по случаю избрания Я.К. Сыркина в академики известна лишь в виде устных рассказов. Поэтому её обнародование в печатном виде может только приветствоваться.

Публикация замечательного письма Р.А. Хассиса воспро-

изводит дух и уровень интеллекта молодого поколения России, выросшего в XX веке. Они размышляли, читали Канта, стремились познать истину.

Ещё пример – анонимка. Молодёжи сегодняшнего дня, думаю, трудно представить себе использование в качестве общественной нормы такого насквозь фальшивого доноса. Полезно, чтобы они знали, к чему приводит любой тоталитаризм.

Не менее интересен ряд военных, например, генерал Вершинин с его неожиданными сентенциями и рассудительностью.

Особо следует отметить воспоминания об ослепшем художнике Ю. Берковском и знаменитом скульпторе В. Сидуре, искусство которого советская номенклатура не желала признавать. Е. Яхнин, ученый-естественник, настолько проникновенно пишет об искусстве и в частности о произведениях В. Сидура, раскрывая их смысл, что у читателя должно возникнуть желание вновь познакомиться с его работами.

К тому же у автора хороший слог, текст легко читается. При описании того или иного события автор – его участник и не скрывает своей позиции. Возникает фигура самого автора, умного и достойного человека, с которым интересно общаться. Полагаю, что такую возможность получит каждый, раскрывший эту книгу.

Академик В.В. Лунин

От автора

Памяти Александра Наумовича Фрумкина и его воспитанницы Вали Шерстобитовой (Валентины Михайловны Яхниной), вместе с которой я вступил во взрослую жизнь, посвящаю

То, что Вы прочтете ниже об ученых, военных, людях разных профессий, с которыми я встречался, никак не будет демонстрировать их достижения на поприще профессиональной деятельности. Я расскажу лишь о небольших происшествиях, о случайно подмеченных чертах, об особенностях их отношения к жизни, которые я наблюдал при встречах с ними. Вы не найдете здесь подробного описания их внешнего облика, характера, каких-либо необычайных жизненных коллизий, нет. И тем не менее, все это будет присутствовать, но лишь намеком, штрихами.

Художник очертит голову мудреца крупными, глубокими штрихами, улыбку весёлого человека – короткими в уголках губ, хитринку в прищуре глаз доброго человека – одной-двумя едва заметными чёточками. Так и здесь: кому-то уделено несколько страниц в виде рассказа, кому-то два-три абзаца, а некоторым – всего одна-две фразы.

Все штрихи (страницы, абзацы, фразы), если их соединить, будут принадлежать – полностью или частично – мое-

му невыдуманному современнику, обычному, среднему или выдающемуся.

Вспоминая эти встречи, жизненные ситуации, в которых они происходили, я сознательно не буду касаться войны, она учит лишь ненавидеть, убивать и умирать.

Здесь не место также разного рода мошенникам и авантюристам, они одни и те же во все времена. О них хорошо рассказано в книге академика Э.П. Круглякова «Учёные с большой дороги». Они – не мои современники, они – из всех времён и из другого мира.

Валя и Фрумкин

Как расположить эти заметки-воспоминания, разные по жанру, размеру, сферам деятельности персонажей? Я учился жить у всех, с кем встречался. Может быть, начать с семьи и первой спутницы жизни – Вали, которой я посвятил, как и А.Н. Фрумкину, эти воспоминания. Пробегая памятью прошлые годы, понимаю, что мы оба, она и я, вместе взрос-

лели, учились быть людьми. Это было непросто: ей выросшей в привилегированной семье академика, мне – в семье простых московских интеллигентов. Поженились. Я окончил военную академию, она – медицинский институт. Прощай, Москва. Кострома, Саратов, дети и сложности неустроенной военной жизни. Я – рядовой военный инженер, она – врач-офтальмолог в провинциальном городе. Ничего примечательного кроме самой жизни. Но сама эта жизнь вместе с ней и благодаря ей подготовила меня к будущему, позволила состояться, понять кто я, зачем живу, кто и что вокруг меня, и, наконец, сделать то, что я успел и ещё попытаюсь успеть в оставшееся время. Она ушла рано, горько. Но она осталась для меня и наших сыновей началом всего светлого, к чему надо стремиться и находить в жизни. Я не могу считать её своим современником. Она была мной, а не моим современником.

Начинаем взрослую жизнь

Семья... её олицетворял отец, Давид Михайлович Яхнин, рассказом о нём я завершу эти записки. Александр Наумович Фрумкин... его место в самой середине, кроме того, о нём и без меня много написано.

А начинать эти воспоминания лучше всего с описания встречи с тем современником, который оказал на меня, со-

всем взрослому и уже во многом состоявшемуся человека, наибольшее влияние. Им стала замечательная женщина Любовь Ивановна Сулакова, ставшая моей женой и в течение 25 лет открывавшая мне мир любви и благородства.

Расположение подробных или кратких рассказов о других встречах мне казалось не принципиальным, как вспомнятся, так и напишутся – одно за другим.

И ещё, не всех я помню одинаково, чьи-то имена, должности забыты или не использовались в общении – подполковник, имярек и всё. Поэтому не все, о ком вспомнилось, будут представлены одинаково полно. То же касается наличия и качества фотографий.

В заключение хочу поблагодарить моего дорогого друга Нинель Пинхусовну Гилилову. Трудно найти те самые добрые и тёплые слова, которые соответствовали бы её помощи мне в период работы над этой книгой. Её поддержка и исключительное терпение во время жарких споров при обсуждении и редактировании текста позволили найти оптимальные решения многих проблем.

Любовь Ивановна Сулакова Заведующая лабораторией Института комплексных проблем полиграфии

Она была инициатором моей литературной деятельности. Сейчас её уже нет, но я по-прежнему ощущаю её рядом.

Однажды она сказала: «Ты должен объединить все рассказы, которые написал, получится хорошая книжка». Получились «Встречи с памятью», которые она уже не увидела, они были изданы в 2005 году. Теперь будут встречи с людьми и вновь с ней.

Меня познакомили с ней в декабре 1976 года. Тогда я ещё не знал, что это на всю жизнь. Её попросили рассказать новому заведующему лабораторией физико-химических исследований, доктору наук Евгению Давыдовичу Яхнину всё о печатных формах.

За столом сидела миниатюрная женщина в вязаном жилете и кофточке, хорошо сочетавшимися с плотно причесанными ярко-рыжими волосами и едва проглядывающими веснушками на лице. Позднее я заметил, что веснушек не было, просто привиделось, что были, очень уж они были бы к месту. Она посмотрела на меня и приятным густым голосом спросила: знаком ли я вообще с полиграфической технологией и что я уже успел узнать?

Я рассказал ей, как давным-давно принес в типографию автореферат кандидатской диссертации и был озадачен вопросом принявшего меня начальника: «Вам как напечатать высокой или глубокой печатью?». Я не имел ни малейшего представления ни о той, ни о другой и судорожно соображал, что лучше «выше» или «глубже». Она поняла мою «высоко-глубокую» полиграфическую образованность, не помню – улыбнулась или нет, и извинившись за ограниченность времени, которым располагает, стала рисовать и объяснять суть работы печатных форм. Всё было кратко, четко и понятно. Единственно, что я так и не мог долго усвоить, почему

один процесс называется позитивным, а другой негативным. В обычной фотографии всё ясно и легко запоминается: позитив это то, что нужно, негатив это то, что пока еще никуда не годится, а в полиграфии, мне казалось, позитивный процесс вполне можно называть негативным, а негативный позитивным. В очередной раз проявился дефект моих «запоминавательных» способностей. Если нет логики, для запоминания мне необходимы ассоциации. Так, различать, что имеется в виду под эндотермическим и экзотермическим процессом, я, химик, сумел, лишь найдя ассоциацию между словами «эндотермический» и «внутри» по наличию буквы «н». Здесь же ни логики, в смысле позитив – негатив, ни ассоциаций не находилось.

В следующий раз мы встретились на заседании Ученого совета института. Она отчитывалась за год работы лаборатории, и я обратил внимание на безупречное построение и логичность её выступления.

Как-то раз у меня оказался лишний билет на симфонический концерт в Зал Чайковского, я пригласил её. Вечер у неё был свободен, она позвонила и предупредила маму, что задерживается. Музыка Моцарта, которую мы слушали вместе, помогла мне сделать первое неожиданное открытие: эта маленькая прихрамывающая женщина – интереснейший человек. Я проводил её до дома.

Мы встречались по делам на работе, на методических заседаниях, на партсобраниях. Каждый раз эта женщина об-

ращала на себя внимание высоким интеллектом, принципиальностью и профессионализмом. Однажды я посодействовал ей в проведении эксперимента на приборе, имевшемся только в институте лакокрасочной промышленности (ГИПИЛКП). Что-то неуловимое, но пока еще деловое, начинало нас сближать.

В то время «гремел» театр Любимова на Таганке. Пошли. Повезло, смотрели Гамлета с Высоцким в главной роли. После гуляли, обсуждали особенности спектакля. В одном из актов действие разыгрывается на фоне серой стены – занавеса во всю сцену, похоже, из мешковины. В чем замысел этого занавеса? Я стал рассуждать, фантазировать, не очень уверенно и остановился. «Продолжайте, продолжайте», – потребовала она. Между нами стало появляться и крепнуть что-то связывающее нас по духу, по жизни.

Вскоре мы поняли, что общение требуется обоим. У каждого были другие привязанности, которые не сразу ушли в сторону. Порой было сложно отказаться от прошлого. Однако осознание того, что право на счастье – выше всего в жизни и что недопустимо от него отказываться, позволило нам быть вместе.

Мы познакомились в 1976 году, начали жить вместе в 1980 году, официально зарегистрировались как муж и жена в 1983 году, многие трудности совместного существования в чиновничьем пространстве нашей бывшей страны отпали.

Таким образом, хотя бы в среднем, можно считать, что

добрались до «серебряной» свадьбы. Эти 25 лет были настоящим временем нашего счастья, которое как нечто особенное, выпадающее из рядового контекста жизни отмечали, не таясь от нас, вслух наши знакомые и близкие, не как комплимент, искренне. Да! Это было так! Не только любовь и согласие царили в нашем доме. Мы поддерживали друг друга, и было в чём, жизнь – сложная штука, и для нас обоих это не было банальностью.

Завистники и обиженные судьбой вокруг нас, конечно, были. Чтобы устранить конкурента или просто «насолить» и получить от этого удовольствие, такие «обиженные судьбой» писали анонимки.

Анонимка – это донос, который в то время отождествлялся с общественным долгом, проявлением гражданской честности.

Меня обвинили во всех мыслимых и немыслимых грехах, во всех, кроме воровства, его доказывать надо. Главное обвинение состояло в неблагонадёжности, что доказывать не надо было, и что тогда расценивалось общественными и руководящими инстанциями как государственная измена, и каралось по всей строгости. Поскольку это косвенно затрагивало Сулакову (в то время мы не скрывали наших отношений), ей этот донос показали. Полагаю, что не столько из-за абсурдности всего «букета» обвинений, а ведь партком обязан был реагировать на каждый сигнал, сколько из-за исключительного уважения к ней, этому сигналу «честного

гражданина» не дали хода.

Привожу ксерокопию этой анонимки, к счастью, оригинал у меня сохранился. Это подлинный документ эпохи, и её автор тоже мой современник, причём его доля в общем портрете достаточно значительна.

Здесь всё ложь кроме беременности Головиной, которая родила сына Мишу; с ним и его мамой я встречаюсь и дружу уж почти 35 лет, а теперь к ним присоединился чудесный малыш, мой внук Серёжа.

Мы с Любой были разными и обогащались опытом друг друга, становились лучше, мудрее, каждый в своём. Прежде всего, поражала её внимательность и доброта к людям. Она никого не забывала: своих родственников, своих состарившихся руководителей и простых сотрудников, ушедших на пенсию, поддерживала материально и вниманием, никто никогда не оставался без подарка к знаменательному дню. Дарила не «лишь бы», а стоящее и приятное именно для этого человека. Признаюсь, я не сразу стал поступать так же. Однажды я купил мяса и рассказал ей, что накормил бездомную собаку, смотревшую на меня «человеческим» взглядом. Она порадовалась и за собаку, и за меня. Никогда не обходила вниманием нищих, хотя я много раз убеждался сам и убеждал её, что 90 % из них – обманщики. Я понял, что помощь нуждающимся, бедным и убогим нужна не только им, не менее важна она и для того, кто помогает. Сострадание, возникшее в человеке, облагораживает.

Уважаемые товарищи!

Во ВНИИ Комплексных проблем полиграфии с 1976 года работает в должности заведующего лабораторией физико-химических исследований д.х.н. Яхнин Евгений Давидович, 1923 года рождения, коммунист, еврей, вдовец.

В настоящее время Яхнин Е.Д. добивается присуждения ему звания профессора. Мне кажется, что Яхнин не только не заслуживает присуждения ему искомой степени, он несостоятелен как ученый, не является коммунистом, ведет аморальный образ жизни. Этот внешне как будто интеллигентный и честный человек на самом деле лжив и бесчестен, ведет двойной образ жизни. Попробую в этом Вас убедить.

Яхнин - ученый.

Я буду касаться последних лет "творческой" жизни Яхнина, т.е. после 1972 г. когда его уволили из института физической химии АН СССР. Начиная с 1972-1976 года Яхнин работает во ВНИИСТРОЙполимер, а с 1976 года и по сей день во ВНИИ КОМПЛЕКСНЫХ проблем полиграфии. Именно в эти годы от Яхнина требовалась полная отдача его теоретических знаний и приложения их к решению актуальных проблем промышленности. Именно в эти годы Яхнин проявил свою полную несостоятельность как ученый: за все годы работы в прикладных институтах им не была внедрена ни одна тема.

Яхнин - коммунист.

Этому человеку глубоко ненавистна вся наша система, наш строй, что очень часто проскальзывает в разговорах с сотрудниками, знакомыми и родственниками по телефону. Яхнин не только сочувственно относится к тем людям, которые покидают свою Родину, но и застраивает, подталкивает определенным образом к отъезду Яхнин сам читает и распространяет среди сотрудников институт запрещенную литературу.

Моральный облик Яхнина.

Яхнин - вдовец. Это ему во многом "развязывает" руки. Всех своих аспирантов он склонял к сожительствам с ним и в большинстве случаев это ему удавалось, т.к. его "жертвы" были поставлены в безвыходное положение. В настоящее время Яхнин сожительствоует с сотрудницей института Сулаковой Л.И. Одно время он сожительствует с Годовиной С.В., которая сейчас ждет от него ребенка. Яхнин и Сулакова, используя служебное положение неоднократно использовали рабочее время в личных целях. Яхнин высокомерен, черств к людям, эгоистичен, часто лжив.

Я не могу подписать под этим письмом свою фамилию, т.к., к сожалению, много забот и это затруднит мою дальнейшую работу

Прошу еще раз внимательно пересмотреть дело Яхнина о присуждении ему звания профессора и даже его дальнейшего пребывания на должности заведующего лабораторией.

Она не посещала церковную службу, но, оказавшись во время наших турпоходов в храме, всегда вспоминала о дорогих ей близких людях и обязательно зажигала свечку. Мне этот ритуал был абсолютно чужд, но я понимал, что в нем она укрепляла себя в преданности и памяти. Я даже думаю, что она молча себе говорила: «Спите спокойно, мои дорогие, я вас помню и никогда не забуду». В этом удивительном чувстве уважения и внимания к людям – самая главная часть Любы. Согласитесь, рядом с таким человеком даже такому рационалисту и атеисту, как я, приходилось становиться лучше.

Среди полиграфистов она пользовалась исключительным уважением. Во время фактической расправы с тогдашним директором института Н.А. Нечипоренко и внедрения на его место карьериста и абсолютно беспринципной бездари Э.И. Белозерова (родственника одного из высших чинов Комиссии советского контроля) была устроена переаттестация всех сотрудников. Всё было predetermined. Л.И. Сулакова была в списке тех, кого не желали оставлять в институте. Члены аттестационной комиссии, включая представителей Госкомитета по печати, были жестко проинструктированы. Ведущих, но не угодных Белозерову сотрудников института одного за другим выводили за штат. Комиссия практически единогласно браковала всех. И вдруг с Л.И. Сулаковой вышла

осечка, счет: семь – за, семь – против, то есть равенство, по закону в пользу аттестуемого. Несмотря на все, какие только возможно, юридические ухищрения, судорожные попытки Белозерова уволить Л.И. Сулакову не удалось. Чиновники, сплошь безусловные конформисты, при тайном голосовании не подчинились указующему персту сверху. Рисковали, но таково было их истинно уважительное отношение к одному из ведущих и авторитетнейших специалистов отрасли.

Интересы своих сотрудников и лаборатории она отстаивала жестко, я так не умел. Сослуживцы, говоря о ней, искали слова, непросто было соответствовать её личности. В.А. Коган, ещё не зная о наших близких отношениях, просветил меня на её счёт: «Сулакова ... это такая штучка...». Другой Коган (не В., а Б.) под впечатлением её очередного выступления не смог сдержать эмоции и восхищенно произнес: «Умна баба!».

Но ещё больше она заслуживала уважения за силу духа, которая украсила бы любого мужчину. В раннем детстве, ей только минуло 5 лет, её поразил полиомиелит. Она росла, не давая себе поблажки, была наравне с другими и в играх, и в детских затеях. На больной ноге у неё несколько шрамов – следов операций, на которые она решилась, не уступила болезни. Уже после рождения дочери ходила в турпоходы, зимой – на лыжах. Как тут не вспомнить австралийского писателя Алана Маршалла, который рассказал о своем детстве в замечательной книге «Я умею прыгать через лужи». Лю-

ба тоже заставила себя, научилась «прыгать через лужи». Её мужество, сила во всём – поразительны.

В ходе «перестройки» директором института полиграфии стал В.В. Титов. Известный в научных кругах доктор наук, профессор пустился вдогонку за «новым» временем, стараясь заставить всех переключиться на рельсы чистогана. С Любовью Ивановной Сулаковой это не получалось. Он требовал, чтобы зарплата заведующего лабораторией, её зарплата, в несколько раз превышала зарплату сотрудников. Она же руководствовалась «социалистической» справедливостью и себе начисляла зарплату лишь чуть-чуть выше. Он даже ко мне обращался за помощью, просил убедить её в неправильном понимании своего места как заведующей лабораторией, хотя, разойдясь с Белозеровым, я уже не работал в институте. Я был согласен с Титовым, лаборатория была создана Л.И. Сулаковой и успешно функционировала в основном благодаря её знаниям и усилиям. Но Л.И. Сулакова в своём понимании интересов дела и справедливости оказалась негибкой. Сотрудники, несмотря на все ухабы перестройки, чувствовали себя за её спиной надёжно, в безопасности, уважали и любили её, не за зарплату, за то, что всегда была с ними Человеком с большой буквы. Титов тоже понял это, хотя и не примирился с этим. Для него, без оглядки вступившего в развивающийся дикий бизнес, она являла собой пример слишком сильной независимой личности, занимающей не принимаемую им позицию. Кстати, его убили, застрелили

у входа в подъезд, когда он возвращался домой.

Не удивляйтесь, я сознательно написал «кстати» в продолжение строчки, не с новой строки. Анонимка, приведенная выше, отразила психологию общественной жизни в Советском союзе. А это «кстати» очень точно отражает период его распада, перестройки и наступившее время – «кстати», можно всё что угодно, так между прочим, походя. Ведущие специалисты разрушенного перестройкой института, в их числе и Люба, всерьёз опасались за свою жизнь. До сих пор оставшиеся безмянными участники этого действия, продолжают быть моими современниками, их штрихи могли бы быть в портрете.

Бывало, однако, когда позиция Любы и для меня оказывалась совершенно неприемлемой. С достоинством противостояла кое-кому из своей родни, когда в их разговорах проскользывают антисемитские настроения, вместе с тем простодушно следовала за изощренными антиизраильскими построениями, искусно закамуфлированными путем подтасовки фактов. Была чувствительна к любым высказываниям, умаляющим достоинство русских, и не могла отказаться от упреков и даже обвинений в адрес «кавказцев» и «всех других», захвативших московские рынки, гостиницы, магазины. Я объяснял, протестовал, негодовал – тщетно. Ей, как и большинству женщин, было присуще ощущение своего, нашего в противопоставлении чужому. Думаю, что такой феномен, мог быть, культурно, а может быть, и эволюционно

закреплен в психике хранительниц нашего очага. Мужчинам он не столь обязателен. Чувство своего, которое надо всегда защищать, проявлялось у неё, в первую очередь, в отношении внучки. Стоило мне слегка задеть Нику (так в семье нежно звали Веронику) повелительной интонацией или жестом, как я тут же получал «по носу» сердитым взглядом и словами. Неодинаковость оценок жизненных ситуаций, событий, поступков, прочитанного, увиденного, конечно, присутствовала в нашей жизни, но никогда не приводила даже к малейшему ослаблению ощущения обретенного друг в друге счастья.

Она рассказала мне, как однажды её старая подруга спросила: «А вы часто ругаетесь?» – и, услышав, что никогда, очень удивилась – «Неужели у вас не бывает поводов для ссор?» Люба объяснила ей, что Евгений Давыдович не умеет ругаться и вообще с ним невозможно поссориться. Это, конечно, неверно. Ругаться я умею, но только про себя, и потом, я ругаюсь лишь когда выхожу из себя и только в случае хамства. Ко всему могу относиться спокойно, философски, но хамства не переношу, оно может меня вывести из строя надолго.

Меня поражала её терпимость ко всему, что бы я ни сделал. Купил сдуру что-нибудь совершенно лишнее, принес домой и слышу: «Вот и хорошо, пригодится, пойдет в дело», а не вроде – «Ну зачем ты эту дрянь принёс? Что я с ней буду делать?». Что бы я ни сотворил дома, всё к месту, всё хоро-

шо. И дело не в том, что «умна баба», дело в исключительной уважительности друг к другу. Впрочем, когда я постарел и стал часто забывать что-нибудь сделать, она порой не удерживалась от замечаний, а я сердился. Да, она уставала, и её обижала моя «невнимательность», а я сердился (умею сердиться), дулся на неё, бывало. Но никогда, ни насколочко это не разрушало нашего счастья. В ряде телевизионных передач с упоением рассказывали о «великой» любви «великих» мира сего (И. Тургенев и П. Виардо, Х. Перон и его супруга Э. Перон, С. Дали и его муза и спутница жизни Гала и ещё, и ещё...). Думаю, наша любовь, другая, конечно, но не меньше, и мне приятно считать, что для нас она была единственная и бесконечная.

Мы были одним целым, но не теряли себя друг в друге. Музыка была нашей общей любовью, при этом я меломан-классик, она всеядна, любила эстраду, помнила все песни молодости и с удовольствием их пела. Путешествия нам обоим были необходимы, театр – также обоим, но ей больше, при этом она наслаждалась литературой о театре, об известных артистах, о царственных персонах и их жизни, я ко всему сему практически равнодушен. Последнее время прирастилась к экскурсиям по памятным местам Москвы и Подмосковья, я ленился. Если куда-то надо идти, она ухитрялась строго оформлять мою внешность. Я сопротивлялся, но уступал и надевал полагающуюся «фешенебельную» рубашку, облачался в костюм, чтобы «комильфо», и превра-

щался в собственный портрет в рамке. Сопротивлялся, но, в конце концов, подчинялся, и получалось, вроде бы, то, что надо. Не допускала, чтобы я куда-нибудь пошел без подарка.

Я гордился ею, она гордилась мною. Пишу, она – первый читатель, придирчивый, критичный и всегда в точку. Без неё, вероятно, я ничего бы не написал. Она была моей хранительницей, жизненной необходимостью. Без неё после перестроечного краха моего института я бы зачах.

При встречах с моими родственниками, при знакомствах с моими давними друзьями она никогда не выглядела приложением к мужу, ни в коей мере, она сразу становилась вровень со всеми, а порой – выделялась, привлекала внимание и как собеседник, и как человек. На Волге под Рыбинском очень серьёзные дамы, старейшины-основательницы идеи летнего отдыха в Коприно никого не приглашали на свой девичник, а её сразу притянули, зазвали, признали за свою. Широтой души она привлекала. Моим приложением ей быть не приходилось. А я однажды был – приехали в Дубну, она помогала типографии ОИЯИ освоить новую полиграфическую технологию, при регистрации в гостинице записали: «мадам Сулакова и её муж...».

В мае 2005 года мы предполагали отметить её 68-летие. Она постепенно приходила в себя после тяжелейшей операции. Если кому-либо потребовалось бы убедиться в природной естественности нашей жизни и безусловном отсутствии вмешательства бога в нашу судьбу, то её пример для это-

го был бы абсолютен. Никакой бог не мог бы подвергнуть эту женщину таким испытаниям, которые ей пришлось пережить. Кто-кто, а она, моя Люба, ни в малейшей степени не могла заслужить такой кары. В очередной раз она преодолела себя и всё, что только возможно. Мы были снова вместе.

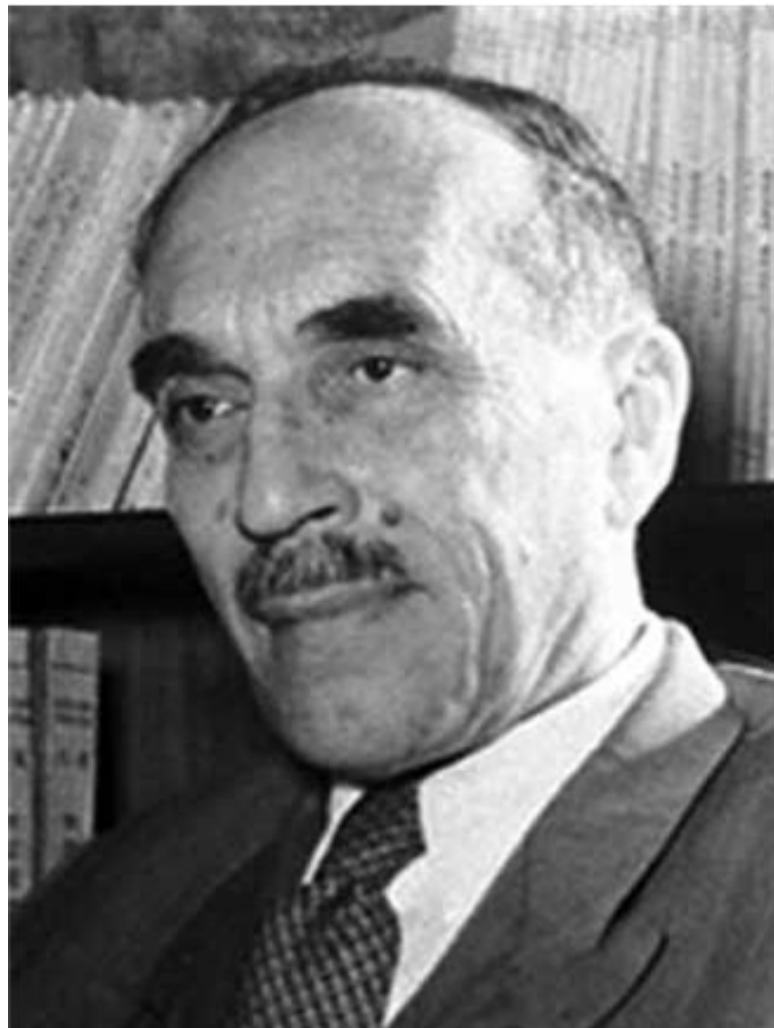
Сейчас 2015 год и я пишу это в прошедшем времени, начал же писать о ней в 2005 году. Вечером 19-го апреля, когда она после двух с половиной месяцев больницы первый день дома сидит на диване, разговаривает по телефону с подругой, а я, заканчивая эти строки о самом дорогом для меня человеке, думал, что ставлю точку.

Горько, но оказалось, что то была лишь запятая. Судьба, которой мы не смогли противостоять, поставила свою точку уже в августе.

Я пробежал по прошедшим годам и подумал: «Что же в ней, моей Любе, было главным?». И понял: главным в ней была удивительная духовная щедрость, подобной которой в других людях я не встречал. Она дарила всем окружающим возможность счастья, а мне – больше четверти века – новую, замечательную жизнь.

Николай Николаевич Семенов
Академик, нобелевский
лауреат, директор Института
химической физики Академии наук

В тот год Москва река разлилась. У поселка Луцино, что под Звенигородом, вода поднялась метров на 5, может и больше. Когда вода спала, можно было пройти по берегу. Небольшая компания взрослых и детей шла по узкой полоске обнажившегося косогора под заросшей кривыми деревьями и кустарником пятнадцатиметровой кручей правого берега. Кое-где земля, ещё насыщенная влагой, хлюпала под ногами. Два академика Николай Николаевич Семенов и Александр Наумович Фрумкин, как всегда на прогулке, увлеченно беседовали. Дети затеяли какую-то игру и бегали вдоль растянувшейся компании, громко подразывая друг друга. Все были наполнены солнцем и пряными запахами, сотворенными отступившей водой. Моего младшего сына, Сережу, я нес на плечах, крепко держа его за ноги. Неожиданно Валя, мама Сережи заметила, что на одной ноге у нашего сына нет сандалии.

– Ты где потерял сандалику? – спросила Валя.

Он помотал ножкой и сказал:

– Там.

– Где там? – попытались выяснить мы.

– Там.

Я вернулся на несколько шагов назад.

Валя остановилась. Женщины заметили нашу заминку. Поняв в чем дело, посокрушались и решили, что, вряд ли, маленькую сандалику можно найти, прошли-то уже не меньше километра. Семенов и Фрумкин повернулись, ожидая чуть приотставшую компанию. Александр Наумович прикрыл глаза рукой, защищаясь от солнца, Николай Николаевич стал выяснять причину задержки. Узнав о потере, он тут же заявил, что надо искать. Женщины попробовали убедить его в бесполезности поисков, но он повернулся и отправился назад, внимательно оглядывая тропинки. Он приступил к поиску сандалики настолько решительно, что за ним пошли и другие. Я шел метрах в пяти правее Николая Николаевича, казалось, что надо искать ближе к косогору и хотелось самому, первым её обнаружить. Прошли метров двести и вдруг слышу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.